

Фото: Cole Patrick / Unsplash

21.05.2018, 20:46 **Оккупированный Крым**

РЕПОРТАЖ

«Второй раз такое в моей практике»: как в Крыму судили задержанного на акции памяти

18 мая Центральный районный суд Симферополя рассмотрел административное дело Сейтасана Асанова. На него был составлен единственный протокол о неповиновении сотрудникам полиции во время акции памяти жертв депортации крымскотатарского народа. Во время заседания адвокаты и свидетели вспоминали пропавших крымскотатарских активистов. За процессом специально для ОВД-Инфо следил Руслан Аблякимов.

Вечером 17 мая на улице Аметхана Султана в Симферополе собралось около сотни крымских татар, чтобы отметить 74-летнюю годовщину депортации. Когда люди начали расходиться, сотрудники полиции перекрыли улицу и стали задерживать собравшихся.

Первым задержали Сейтасана Асанова, местного жителя, который в акции не участвовал, но, увидев скопление односельчан и большое количество сотрудников полиции, подошел поближе, чтобы понять, что происходит. Полицейский попросил его пройти в машину, чтобы проехать в отдел, и, не дождавись ответа, заломал ему руку и затолкал в автомобиль.

Вместе с Асановым в тот вечер задержали еще около 20 человек. Ночью всех задержанных отпустили, взяв у них объяснения, отпечатки пальцев, отпечатки стоп и пробу ДНК. В отделении остался только Сейтасан Асанов, на него составили протокол по статье 19.3 КоАП: он якобы не выполнил законные требования сотрудников полиции.

Судебное заседание должно было состояться 18 мая в 9:00 в Центральном районном суде Симферополя. К этому времени к суду начали стекаться неравнодушные, прибыли адвокаты Эдем Семедляев и Эмиль Курбединов. Примерно через час Семедляев смог увидеться со своим доверителем, на которого полицейские за 13 часов задержания так и не смогли составить административный материал для передачи в суд.

В 15:30 полицейские доставили в суд Сейтасана Асанова. В это же время к суду подошли активисты, адвокаты и журналисты. Секретарь увел слушателей в зал, где якобы должно было состояться рассмотрение дела, однако провести заседание судья решил в своем кабинете. «Развели нас, как малых», — слышалось от украинских коллег-журналистов. Попасть на заседание нам все же удалось: адвокаты настояли, чтобы в кабинет прошли журналисты и отец Сейтасана.

Первым делом судья отклонил ходатайство о фото и видео, «поскольку проведение фото- и видеосъемки не предусмотрено КоАП», что противоречит ч.3 ст. 24.3 КоАП, которая все это предусматривает.

Защита ходатайствовала об участии прокурора в рассмотрении дела Асанова «с целью обеспечения состязательности сторон и поддержания обвинения в суде по указанному делу, в противном случае защита расценивает рассмотрение административного дела без прокурора как не обеспечивающее беспристрастность суда, где суд возлагает на себя обязанность по поддержанию обвинения... Судья — это арбитр, а в случае отсутствия стороны обвинения, он возлагает на себя функцию преследования».

«Ну у нас же составлен протокол об административном правонарушении работниками полиции, вот они и преследуют», — сказал судья и отклонил ходатайство стороны защиты.

«Тогда наше следующее заявление — заявление об отводе. Мы мотивируем это тем, что суд берет на себя функции обвинения», — сказал адвокат Курбединов

— Асанов, поддерживаете ходатайство? Отвод у вас тоже, да? — строго и с ноткой обиды спросил у обвиняемого судья.

— Да, ваша честь.

Если обычно в этот момент суд удаляется в совещательную комнату, в этот раз удалиться из кабинета судьи пришлось всем присутствующим. В коридоре лейтенант полиции, который доставил Асанова в суд, крымский татарин, подозвал его к себе и тихо попросил передать адвокатам, чтобы они не злили судью, поскольку сейчас дело идет всего лишь к штрафу, а иначе судья выпишет арест. Минут через 15 заседание

продолжилось — судья не нашел оснований для отвода самого себя.

Судья приобщил к делу положительную характеристику Асанова и перешел к рассмотрению дела, которое началось с зачитывания протокола об административном правонарушении:

— 17 мая в 22 часа по улице Аметхана Султана, 18 был выявлен Асанов, который находился по вышеуказанному адресу, оказал неповиновение законному требованию сотрудника полиции Бученко, в связи с исполнением им служебных обязанностей по охране общественного порядка, что выразилось в отказе им прекратить противоправные действия, а также пытался оттолкнуть Бученко. То есть совершил правонарушение, предусматривающее административную ответственность согласно ч.1 ст. 19.3 КоАП. Асанов, признаете себя виновным?

Асанов ответил, что виновным себя не признает, и начал давать пояснения: «17 мая в районе 21:30 я проезжал мимо к другу своему. Увидел, что дорога перекрыта, объехал, оставил машину чуть дальше, пошел посмотреть, что происходит, потому что заметил много патрульных машин. Не доходя до места, увидел знакомого, остановился, поздоровался, пообщались. К нам подошел офицер с двумя ППСниками якобы для какого-то опроса. Не дождавшись нашего согласия, он приказал сотрудникам нас отвести насильно. Так как я в первый раз попал в такую ситуацию, естественно, начал сопротивляться. В итоге начали за меня заступаться женщины, и я сел к ним (полицейским. — ОВД-Инфо) в автомобиль сам.

— У меня будет один вопрос к моему подзащитному, ваша честь, — сказал защитник Курбединов. — Скажите, пожалуйста, что вы имели в виду, когда говорили «начал сопротивляться»?

— Ну, потому что руки ломали, руки свои выдергивал, — ответил Асанов.

— А сколько человек вам руки ломали? — продолжал спрашивать адвокат.

— Трех точно видел сотрудников полиции в форме.

Вопрос суда: «А вам говорили сотрудники полиции, в связи с чем необходимо пройти с ними?»

— Якобы для какого-то опроса, — ответил Асанов, — но опроса никакого так и не было. Сколько часов уже у меня прошло?

— Вы согласились или отказались? — уточнил судья.

— Я не успел даже ничего сказать. Могут опросить...
Опрос — это опрос, на бумаге они у меня спрашивают, записывают...

— Так вы отказались с ними пройти?

— Для опроса — нет, — ответил Асанов.

— То есть вы отказались, — заключил на каком-то основании судья, и в кабинете повисла неловкая пауза, после которой Асанов продолжил давать показания.

— Я не отказался проходить опрос, я отказался залазить к ним в машину, в заднюю часть, багажник, или как там он называется.

— Еще раз уточнить: вас работники полиции попросили пройти, как они вам сказали: «Мы вас хотим засунуть в машину»? — спросил судья.

— Ну взяли меня и начали совать в машину в заднюю часть, в багажник.

— Давайте по логике: к вам подошли работники полиции, попросили пройти на опрос...

— Я не успел ничего ответить, когда они меня уже взяли, двое сотрудников.

— То есть вас сначала попросили, а потом взяли, или как?

— Ну да.

— Зачем вас тогда просили?

— Я сам не понял, мне до сих пор не ответили на этот вопрос.

— То есть вы поясняете, что вас взяли за руку и затащили в машину, правильно?

— Да, в этот момент мне заламывали руки, было больно, я хотел их вытащить. Но потом я понял, что сопротивляться бесполезно, и сам сел в автомобиль.

— Дальше что происходило?

— Потом привезли на Футболистов, 20 (РОВД «Центральный». — ОВД-Инфо), потом увезли в РОВД «Киевский», потом там я прошел всю процедуру, меня должны были выпустить, пришел молодой сотрудник, и меня обратно увезли на Футболистов. Ну и там уже протоколы, рапорта записали.

— Скажите, еще, кроме вас, кого-то в машину пригласили?

— спросил судья.

— Ну, со мной были еще ребята, но я их толком не знаю.

Семедляев: В тот момент, когда вас пытались засунуть в багажник, вы боялись за свою жизнь и здоровье?

— Конечно, поэтому и сопротивлялся.

Судья: Сотрудники полиции были в форменной одежде?

— Да-да.

Судья: Они представились?

— Ну, возможно, представились, я не услышал.

Семедляев: Скажите, пожалуйста, известно ли вам, что в Крыму пропало большое количество людей?

— Да, видел в интернете.

Семедляев: Скажите, пожалуйста, известен ли вам случай, когда в Бахчисарае [Эрвина Ибрагимова](#)...

Судья: Значит, снимается вопрос, поскольку он не имеет отношения к рассматриваемому делу.

Сейтасан Асанов в РОВД «Центральный» / Фото: Эдем Семедляев

Защита ходатайствовала о допросе полицейских Бученко, Реньковского, Крылова и Бубенко, показания которых легли в основу материалов дела. А также о допросе в качестве свидетелей Мерзие Алиевой и Айше Бейтуллаевой, жительниц Ак-Мечети, которые были на месте событий в момент задержания.

Первой была допрошена Алиева:

«Мальчик вообще не сопротивлялся, его вообще там не было, он проходил мимо, и его зацепили. Я видела, как его скрутили, он только сказал: „Не трогайте, я сам дойду“. Двое вывернули его, как будто, я не знаю, он преступление совершил».

Тут в рассказе свидетельницы появляется еще один участник тех событий. Возможно, сотрудник Центра «Э»: «Молодежь собралась, ставили свечи в память о погибших. К нам подошел Александр, как он представился, с органов общественного порядка, сказал, что нельзя проводить вот это все. Молодежь уже поставила свечи, мы говорим, ну сейчас, 15 минут, все такое. Все отошли в сторону, прочитал молитву мулла, мы собрали свечи и стали уходить. Тут какая-то машина

подъехала черного цвета, появились трое лиц, все не из нашего поселка, стали провоцировать, задавать вопросы. В этот момент Александр стал вызывать ОМОН. Люди, которые завели эту заваруху, исчезли и, получается, этого мальчика (Сейтасана. — ОВД-Инфо) вообще там не было. Этот мальчик шел мимо, его схватили. Возле нас стояли мальчики везде вот эти вот (полицейские. — ОВД-Инфо), и этот Александр, обращаясь к ним, сказал: „Че вы стоите? Хватайте всех!“ Всех подряд, как бы, знаете. Я говорю: „Стоп! Кого вы хватаете, если этот мальчик (Асанов. — ОВД-Инфо) вообще рот не открывал, он даже не был там“. Я стала возмущаться, конечно, как мать, как женщина. Это неправомерно было... по отношению к этому ребенку, по отношению к другим ребятам. Меня это возмутило, потому что ребенка заберут и закроют ни за что».

На вопрос Семедляева о том, мешала ли кому-то эта акция, Алиева ответила: «Нет. Во-первых, эта улица, у нас там живут люди. Там, бывает, свадьбы проводят, бывает, похороны... и эта улица всегда закрывается, поэтому машины без возмущения объезжают, если нужно. И это было после девяти часов, и никакого транспорта там не было» .

Вопрос защиты про упомянутого Александра:

— Скажите, а этот Александр, он был сотрудником полиции?

— Он был в «гражданке», но его окружали ребята (полицейские. — ОВД-Инфо).

— Из этого вы сделали вывод, что он сотрудник полиции?

— Я не знаю, он представился, показал удостоверение, но, честно говоря, я этого удостоверения не видела, врать не буду.

— После того, как ребят хватали, что с ними делали дальше?

— Скручивали, что они еще с ними могут делать? После этого пихали в машину. Была машина, похожая на пирожковоз, они стали открывать задние дверцы. Я встала в дверях, стала кричать: «Это мой ребенок, я его не пущу, берите меня!» Меня отодрали от машины. Я вообще не понимаю, как его можно было туда запихнуть, каким образом. Свернуть они его должны были или что. Я села и не стала пускать, они его запихнули в другую машину.

— А вас не пытались никуда забрать? — спросил судья.

— Меня не захотели, я им предлагала, чтобы забрали меня и отпустили ребенка. Но меня не забрали.

— В связи с чем людей забирали? — продолжил судья.

— Они говорили, что он им что-то не то сказал, хотя его там (на мероприятии. — ОВД-Инфо) вообще не было, он шел мимо, попал под горячую руку. Единственное, что он сказал: «Отпустите, я спокойно пойду, мне больно».

Пригласили свидетеля Бейтуллаеву. Она выступала очень эмоционально:

«Мы там собрались, чтобы почтить память наших умерших, почитать молитву, каждый год это мероприятие проводим. Ну, а сейчас уже не разрешают, мы так: зашли в магазин, купили стаканчики, воду, свечи. Смотрим, люди уже собрались. Мы быстренько свечки зажгли и уже должны были расходиться. В этот момент, слышу, один из полицейских, обращаясь к другому, говорит: „Слушай, сегодня сколько человек будем брать?“ Другой ему: „Шестнадцать!“ Я сразу поняла, что дело плохо, стала молодым говорить, чтобы уходили, что сейчас всех будут брать. Молодежь, естественно, не понимала, за что. В это время мулла зовет нас на намаз, я говорю: „Ребята, кому

на намаз, идите на намаз“. В это время слышу, как Мерзие (Алиева. — ОВД-Инфо) кричит: „Я не отпущу своего ребенка, я не дам его!“ Я побежала к машине, смотрю, что дверь открывают и вот этого парня закрывают туда. Тут я вступилась вместе с Мерзие, мы стали блокировать двери. В это время они его согнули, он кричит: „Мне больно, отпустите, я сам пойду!“ — а они все равно его тащат. Тут мы вступились, хотели отобрать его у них. Я попыталась освободить этого мальчика, смогла его освободить. Я ему кричу по-татарски: „Беги, балам (сын), беги скорее. Сейчас тебя схватят, потом не найдем, как и других!“ И он хотел убежать, но не получилось, в это время его схватили снова. Потом пошли за ребятами, которые на намаз пошли. Я им кричу: „Ребята, быстрее уходите!“ И тут один из милиционеров говорит: „Если вы уйдете, вам еще хуже будет! Лучше спокойно садитесь, мы с вас подписку возьмем и отпустим“. И тогда они остановились и потихонечку всех стали рассаживать по машинам. Потом приехала огромная машина с клетками, меня аж в дрожь бросило, думаю, здесь всех что ли собрались забирать?.. Постояли они, посмотрели, что всех разместили, и уехали. Потом и милиционеры уехали, перекрыв дорогу нашим, чтобы никто не проезжал. Ни за что вот так вот взяли мальчишку. Вы знаете нашу ситуацию? У нас сейчас сколько пропало детей! Поэтому мы тоже боимся за них, поэтому защищаем их».

— Видели ли вы, чтобы Асанов оказывал сопротивление сотрудникам полиции? — спросил защитник Курбединов.

— Нет, он только сказал: «Отпустите, мне больно!»

После опроса свидетелей адвокаты отметили большое количество процессуальных ошибок, исправлений в составленных сотрудниками полиции административных материалах. Местами рапорты совпадали точь-в-точь. Так, например, в протоколах всех сотрудников полиции

записано, что Сейтасан Асанов «отталкивал полицейских, играл на публику, размахивал руками, пытался уйти, на повторные требования прекратить ответил отказом». Именно в связи с этим, по версии полицейских, Асанов был схвачен.

«Видно, что рапорта писались под диктовку, либо записаны друг за другом. Ошибки в них одинаковые», — заметил Семедляев.

Суд удалился для принятия решения. Через 20 минут секретарь попросил пройти в кабинет Асанова и его адвокатов. Оглашение приговора было закрытым.

Через пару минут открылась дверь, вышел радостный Эмиль Курбединов и сказал, что дело в отношении Асанова закрыли в связи с отсутствием в его действиях состава правонарушения. «Второй раз такое в моей практике», — отметил адвокат.

Алиева и Бейтуллаева и благодарили адвокатов, а адвокаты в ответ благодарили их. «Мы не могли поступить иначе, это наши дети», — сказала одна из свидетельниц.

Преследования крымскотатарских активистов

После аннексии Крыма в 2014 году российские силовики стали оказывать давление на крымскотатарских активистов. В ответ на это родилось движение «Крымская солидарность».

7 465

Ещё почитать

08.12.2025 Костромская область, Оккупированный Крым

Крымчанину почти год не оказывают
медицинскую помощь в колонии